

МУДРОСТЬ ВЕКОВ

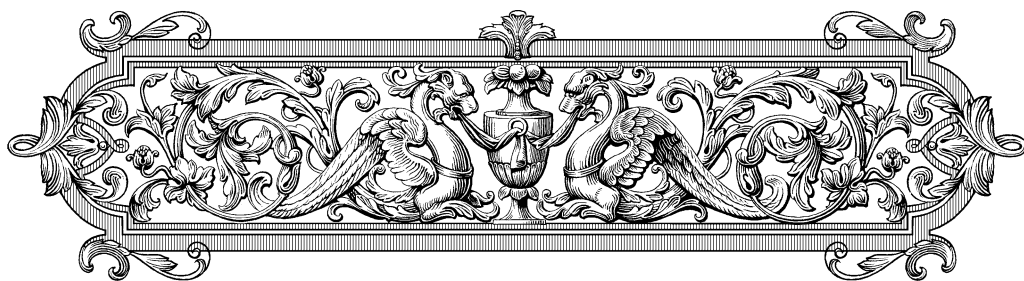

ИГОРЬ ГАРИН

ЧЕЛОВЕК: ДУХОВНОСТЬ И ТЕЛЕСНОСТЬ

Харьков
«ФОЛІО»
2020

ГЛАВА 1

Я — МИР ВО МНЕ

Человек есть тайна, ее надо разгадать.

Ф. М. Достоевский

Мы никогда не знаем, что в нас есть.

Д. Джойс

Он предвидит, меня же предвидеть невозможно.

П. Кайроль

Любить человека — значит, говорить ему правду.

Г. Флобер

Лишь тот обогащает человечество, кто помогает ему познать себя.

С. Цвейг

Зачем сетует человек живущий?

Всякий сетуй на грехи свои!

Испытаем и исследуем пути свои.

Пророк Иеремия

Трагедия коммунизма (может быть, не меньшая, чем его злодеяния) — его историческое последствие, историческая наследственность, историческая «выживаемость». В этом трудно признаться, но посткоммунизм — наследник коммунизма, воспринявший от родителя-злодея его награбленное добро (государственную собственность и империю), его повадки и тюремный менталитет (агрессивность, репрессивность, насильственность), его государственные структуры и законы (первозданность «органов», социалистическую прокуратуру и суд, «телефонное право», президентов-микро-иосифов-виссарионичей, по совместительству шариковых), его

«режим секретности» и спрятанную в гебистских архивах собственную историю, но — главное — *тоталитарного* человека, *тоталитарный* народ.

Воистину надо быть слепым и глухим, к тому же крепко с детства «ушибленным», дабы не понимать очевидного: **ни-че-го не изменилось** — те же «верные ленинцы» на тех же чуть-чуть перекрашенных местах продолжают то же паскудство но в больших масштабах: еще большее ограбление-оболванивание того же несчастного (тоталитарного) народа и тот же несчастный (тоталитарный) народ, терпящий «наследников»; та же закамуфлированная под «свободу слова» пропаганда «справедливой войны» с «бандитами и террористами», тот же оголтелый шовинизм и ксенофобия, то же человеконенавистничество, тот же «собственный путь», с которого «народ не свернет», та же «великая отечественная», те же школьные учебники истории и та же армия «верных Русланов» от науки, мало чем отличающаяся от карателей из загранотрядов...

Самое трагическое наследие тоталитаризма — наши мозги, глубоко пропаханные плугами Владимира Ильича, утрамбованные танковыми гусеницами и асфальтными катками «товарища Сталина», наши новые вожди — секретари обкомов и офицеры политического сыска, наше общество с протянутой рукой и надеждой на «добротного царя» (типа все того же «товарища Сталина»).

Сегодня, когда нам уже почти не осталось, чем гордиться, мы, как утопающий за соломинку, хватаемся за последние «победы» советского народа — построенные на его костях Магнитку и ДнепрогЭС, налитанную его кровью «великую отечественную», завалившую противника трупами собственных солдат, за реальный и мнимый «героизм» Островских и Матросовых... Да, история не существует в сослагательном наклонении, но всегда имеется право выбора — гордиться ее апокалипсисом, некрофилией, самоуничтожением или отречься от ее патологии, ее мизантропии, ее кровавого ужаса...

Мы продолжаем гордиться, а те, кто мне не поверит, пусть сходит в наши школы, посидит на уроках или послушает наших новых вождей, или товарищей Зюгановых-Жириновских, или, увы, наших несчастных оборванных стариков с орденскими колодками, или голодных старух на лавочках, или попутчиков в поездах, или ораторов у музея Владимира Ильича, или демонстрантов с красными флагами, или академиков, поднимающих на банкетах тосты за «великого вождя», или наших генералов, вещающих по телевизору из Чечни, или бедажных солдат — оттуда же...

О том, что мы продолжаем гордиться, наглядно свидетельствует отсутствие покаяния и всего того, что происходило в Германии после 1945-го — попытки разобраться, самоказни, стремления понять, как *такое* могло произойти в стране Канта и Гёте. Мир уже забыл, как каялись немцы... А мы? Чуть-чуть пошумели и... напроць все забыли. Не оттого ли коммунисты все еще на коне? Не оттого ли эту книгу автор издает сам по причине отказа сотен издательств?..

Когда гордятся родиной-свиньей, поедающей своих поросят (это не я — это Джойс), родина свиньей и остается. Да, от матерей не отказываются, но и здесь есть выбор: пойти по стопам матерей-убийц или пьяниц, или — стать *иными*. Трагедия тоталитаризма в том, что тоталитарный народ не желает стать *иным* — он всем недоволен, но его все устраивает...

У. Д. Голдинг:

На протяжении моей жизни я не раз бывал потрясен и оглушен, узнавая, что мы, люди, можем проделывать друг с другом. И раз я убеждаюсь, что человечеству больно, это и занимает все мои мысли. Я и ищу эту болезнь и нахожу ее в самом доступном для меня месте — в себе самом. Я узнаю в этом часть нашей общей человеческой природы, которую мы должны понять, иначе ее невозможно будет держать под контролем. Вот почему я пишу со всей страстностью, на которую только способен, и я говорю людям: «Смотрите, смотрите, смотрите: вот какова она, как я ее вижу, природа самого опасного из всех животных — человека».

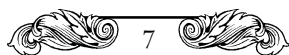
Козни людей и стихий обоюдно меня удрачают.
Гибель талант мне принес, —

восклицал поэт 2000 лет тому назад...

Ф. Шиллер:

Des Menschen Thaten und Gedanken, wisst!
Sind nicht wie Meeres blind bewegte Wellen.
Die innhre Welt, sein Mikrokosmos, ist
Der tiefe Schacht, aus dem sie ewig quellen.
Sie sind nothwendig, wie des Baumes Frucht,
Sie kann der Zufall gaukelnd nicht verwandeln.
Hab ich des Menschen Kern erst untersucht,
So weiss ich auch sein Wollen und sein Handeln. —

Знайте, что поступки и мысли человека не то, что слепо движимые волны морские. Внутренний мир, его микрокосм, это — глубокая руда из которой они вечно возникают. Они необходимы, как плод дерева;

случай не может по капризу отменить их.
Коль скоро я познал сущность человека,
я узнаю также его желания и действия.

Человеческие качества — как познать их? Как познать самого себя?
Как познать Другого?

Посредством науки? Или религии? Или искусства?

А, может быть, лучшей формой познания (и самого человеческого существования) является миф? Скажем, миф о Христе, или Будде, или Сократе, тоже страждавшем познать самого себя. Кто-то сказал: Сократ несомненно существовал, ибо такого человека нельзя было придумать. А можно ли было придумать Иисуса Христа? А можно ли придумать Бога?

Да, Бог непостижим. Деяния Его необъяснимы. Так можно ли объяснить до конца одно из высших Его деяний — человека? Стоит ли человеку браться за эту задачу? Ведь «только тайна дает нам жизнь. Только тайна». Реальность не есть вещьественность.

Что есть человек? Ангел, зверь, пустота, мир, ничто, окруженное Богом, наполненное Богом, нуждающееся в Боге, способное стать Богом, если оно того пожелает.

Время и вечность соотносятся в человеке как плоть и дух, как земное существование и божественная природа. В «Вечной философии» О. Хаксли вводит понятие вечного «настоящего момента», отрицаемого всеми подвижниками перемен, изменений, бренности человеческой:

Существование вечного «настоящего момента» иногда отрицается на том основании, что бранный порядок не может сосуществовать с другим порядком, находящимся вне времени; говорят также, что изменчивая субстанция не может образовывать единство с субстанцией неизменной. Разумеется, эти доводы можно считать справедливыми в том случае, если бы природа вневременного порядка была механической, или если бы неизменная субстанция обладала бы пространственными и материальными качествами. Но Вечная Философия говорит о том, что вечный «настоящий момент» — это сознание; божественная Основа — это дух; бытие Брахмана — это «чит», или знание. Идея о том, что вечное сознание знает о вечном мире и, зная о нем, поддерживает его существование и постоянно занимается творчеством, не содержит в себе никакого противоречия.

Иными словами, в человеке живут два начала: временное и бесконечное: «В один момент — я вечен, а в другой — завишу от времени».

...человек — это не только тело и душа, но также и дух, и если он способен по своей воле жить, как на обычном человеческом плане, так и на плане гармонии и даже единения с божественной Основой его бытия, то тогда эта идея выглядит совершенно логичной. Тело всегда пребывает во времени, дух всегда пребывает вне времени, а душа — это двойственное создание, которое вынуждено законами человеческого бытия до определенной степени быть связанным с телом, но которое способно, если только пожелает, ощутить свой дух, отождествиться с ним, а через него и с божественной Основой.

Временное и вечное начала человека проявляются как изменчивость и постоянство человеческой природы, как различие и тождественность человеческих судеб, как истощаемость и неистощимость «историчности» человека.

С точки зрения Марка Аврелия, любой промежуток времени — век, год, одна-единственная ночь и, вероятно, ускользающее настоящее — содержит в себе всю историю целиком. В предельной форме эту гипотезу легко опровергнуть: один привкус отличен от другого, десять минут физической боли не равны десяти минутам алгебры. В применении к большим периодам, к семидесяти годам нашего возраста, обещанным Книгой Псалмов, эта гипотеза правдоподобна и терпима. Она сводится к утверждению, что множество ощущений, эмоций, мыслей, превратностей человеческой судьбы ограничено, и мы истощаем его задолго до нашей смерти. И вновь Марк Аврелий: «Кто видит нынешнее, все увидел, что и от века было и что будет в беспредельности времен».

Уже давно с глубокой скорбью замечаю, как в попытке рационализации бытия утрачиваю смысл.

Слова, слова... Это всё, что у нас есть.

Посмотрите, как порой рассеивается дух, когда мы пытаемся выделатать жизнь в слова! Как часто, пытаясь отделить семена от плевел, мы вылавливаем на сетке своего сознания лишь жалкую шелуху слов, а суть, смысл, идея просачиваются сквозь эту сетку, оставляя лишь вербальную горстку пепла, которую мы и пытаемся назвать духом, душой.

Как алфавит не способен передать все разнообразие языка и звука, так никакие слова недостаточны для проникновения в глубины духа. Можно ли словами передать благодать, спустившуюся на нас с небес? Или боль утраты? Или счастье обретения? С помощью слов нельзя перешагнуть тот

предел, который поставлен знаком. В лучшем случае только между слов — тех слов, до которых воспарил дух великих вопрошателей, ответчиков и отрицателей, — можно уловить эманацию ускользающего смысла. Только в бессознательном — ключ к сознанию, в абсурде — квинтэссенция высшего порядка, в божественном — человеческое.

Вот для чего нам потребуется музыка, поэзия, церковная литургия. Ибо наука — только эпителий, покров, верхний слой...

Впрочем наука свидетельствует о том же. Как показал Тарский, само понятие истинности логически невыразимо. Между выводимостью формул и истинностью пролегает бездна (теоремы Париса и Харрингтона). К тому же великие теоремы не доказывают, а постигают, черпают из *актуальной бесконечности*. Рационализм оказывается антинаучным. Ученые все больше осознают, что миром правит не закон, но неопределенность, многозначность, божественность.

И вообще: чтобы понять науку, ее метод, ее теорию, надо усвоить ту трудно осознаваемую истину, что идеальное реальнее материального, что вещественное производно от идеи. Впервые это поняли не Гейзенберг, Шредингер или фон Нейман — впервые это осознали древние индусы, когда говорили, что материя суть майя — род иллюзии.

Джон фон Нейман математическим путем установил, что модель вселенной принципиально не может быть классической и что только признав главной мировой реальностью умозрительное, мы обретаем шанс понять чувственно воспринимаемое. Иными словами прав-таки Платон: первичны все же идеи, или монады, или пси-функции, или квазичастицы.

Не так ли в человековедении? Я отдаю предпочтение балладам и завещаниям Вийона, лирике Бодлера, великим стихам юного Рембо и спившегося Верлена, глухим пророчествам Достоевского, притчам Голдинга, мифологии Джойса.

В конце концов разве не самыми чуткими, самыми внимательными, самыми проникательными оказались не ученые и социальные реформаторы, а творцы Библии. Именно они встали на защиту внутреннего мира человека — того смутного, неуловимого, сокровенного и великого, что единственно возвышает человека как творца и как страдальца.

Если миром все же управляют законы, как считал Бэкон, и если их нельзя превозмочь, то, чтобы преобразовать мир, надо действовать в соответ-

ствии с ними. Но законом для человека является человек и только он сам. Превозмочь зло и страдание — значит, превозмочь человека.

В недрах Средневековья, несправедливо воспринимаемого многими как века мрака, необыкновенно пронизательный, но у-ж-ж-ж-асно р-р-реакционный Бернард Клервоский, произнес замечательные слова, неведомые всем передовым и р-р-революционным:

Если вы будете знать все тайны, как обширна земля, высоко небо, глубок океан, но если вы не будете знать самого себя, вы будете походить на человека, который строит без фундамента.

И хотя это сказано во времена Данте, не усвоено до сих пор. Отсюда все утопии, революции, перестройки, «хрустальные дворцы», «светлое будущее»...

Может быть, оптимизм, прекраснодушие — необходимые человеческие качества, но еще более необходимы реализм, жизненность, ответственность.

Для исторической ответственности необходимо **ответственное общество**. Историческая ответственность не возлагается, а принимается.

Увы, свойством большинства людей является нежелание думать. Человек разумный все еще далек от разума. По этой причине его до сих пор так легко водить за нос социализмами и коммунизмами, поэтому он предпочитает астрологию астрономии, алхимию науке и благие химеры здравомыслию. Этим я не хочу сказать, что наука и здравомыслие спасительны, этим я говорю то, что сказал: люди защищаются от правды ложью и от знания верой, ибо жить ложью и верой — легче (впрочем, глубокая, сокровенная, выстраданная, личная вера, требующая огромных усилий, тоже большинству недоступна...).

Человек инфантилен в том смысле, что воображает себя центром мира, что так или иначе связывает происходящее в мире с собственной персоной. Иными словами, мы верим, что не мы для Бога, но Бог для нас, что Богу только и остается, чтобы заниматься нашими дрязгами и непотребствами — отсюда бесконечность молитв меркантильного или насильственного содержания. Но Мир устроен совсем иным образом. По словам Людвиг Витгенштейна, мир не имеет по отношению к нам никаких намерений. Даже то, что мы подразумеваем под судьбой, во многом (если не во всем) дело наших рук (или рук наших близких, изломавших нам жизнь или да-

ровавших радость). Понять это — вот что такое перестать быть ребенком, утопистом или блаженным.

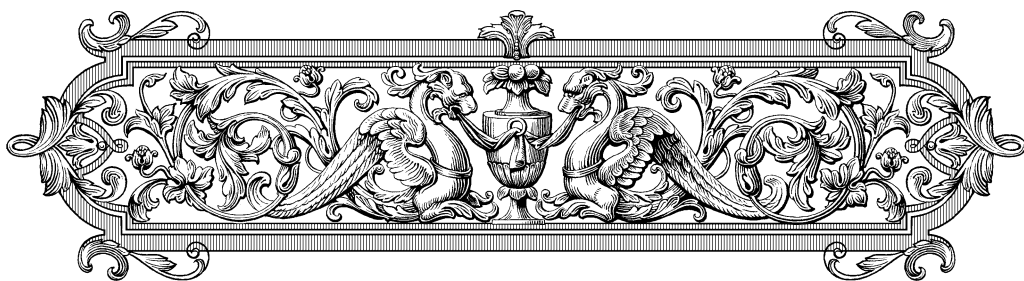
Поражение утопии — в пренебрежении полнотой человеческого. Человек способен не только беспричинно любить, но и беспричинно ненавидеть, у него есть воля к жизни, но многие предпочитают смерть, рядом с удовольствием уживается мазохизм, рядом с гуманизмом — садизм, рядом с культурой — агрессивность и беспощадность, а обожание в одночасье оборачивается проклятием. Лидия Гинзбург как-то сказала, что психология возникает не тогда, когда человек стремится к максимуму удовольствия и минимуму страдания, а когда «всё происходит наоборот». Агрессивность, вандализм, флагелланство, скопчество, некрофилия, суицид, — всё это человеческие реалии, без которых наука о человеке ущербна, как ущербно желание «перестроить» мир и «переделать» человека без опоры на ту реальность, которую Дарвин назвал эволюцией в борьбе за существование.

Я полагаю, что «комплекс спасителей человечества» (страны, нации, класса) — свидетельство зашоренности, больной психики, страха перед жизнью и человеческой природой, недоверия к полноте бытия. Он возникает у людей в пограничном состоянии. Безудержная тяга к «покорению природы», «переделке человека», пересозданию человечества — тревожный симптом...

Проблема человеческого существования — это проблема существования в мире боли, страдания, врожденного греха, «цветов зла», как сказал Бодлер. Главная, бытийная ошибка всех реформаторов, тем более — всех революционеров, состоит в притязании на божественную прерогативу — построить царство небесное на земле. Между тем, страдание, смерть не просто непреодолимы, но необходимы для существования жизни, для оправдания морали. Вспомним максиму Будды: «Не думайте о том, конечен или бесконечен мир, причинен он или беспричинен, а думайте о том, что всё есть страдание».

М. Мамардашвили:

Такая фраза имеет в виду не эмпирический факт, что мы страдаем, а то, что надо исходить из принятого и неразрешимого страдания, которое и есть точка недеяния и труда страдания, мы там ничего не можем заметить, никто вместо нас ничего не сможет сделать и т. д. — да? И главное — мы не должны разрешать страдания какими-либо эмпирическими действиями. Скажем, в ответ на пощечину давать пощечину... Ведь когда подставляют вторую щеку, то имеется в виду глубокая душевная истина, состоящая в том, что, если ты отве-

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1

Я — МИР ВО МНЕ

Постижение человека	20
«Всё в тебе»	30
Я с первобытным неразлучен	55
Зримая тьма	65

ГЛАВА 2

ВСЯКИЙ ЧЕЛОВЕК, ИЛИ ЧЕЛОВЕК СО СВОЙСТВАМИ

Из жизни насекомых	76
Man the measure	77
Эгоизм	92
Ложь	96
Страх	99
Аргументы бессильны против страстей	100

ГЛАВА 3

СОЦИУМ ИЛИ ГЕН?

Дух и плоть	107
Лысенковщина живет и побеждает	117
Человеческий зверинец?	119
Социальное?	121
Nature or narture?	125

Социобиология	134
Строение тела и характер	137
Этика и биология	138
О поведении	142
Скиннеризм	151
Всё течет, но ничего не меняется	156
Бессонный мир	159

ГЛАВА 4

ПОЛЫЕ ЛЮДИ

Благоразумие выгодно	165
Жаль людей!	179
Ад — это другие	185
Общение	188
Типы личности	192
Oeuvre	203
Marginalia	209

ГЛАВА 5

ПОМЫСЛИ САМОГО СЕБЯ

О личностном	216
Человек и орда	223
Что такое ницшеанство?	229
Esse homo	237
Отступление об аксиологии	241
Путь вглубь, или человекознание как трагедия	242
Человек есть большее	253
Умерщвляя прошлое	257

ГЛАВА 6

О НАСИЛИИ

Вначале было оружие	267
Дознание	271
Механический апельсин	277
Агрессивность	281

Человек — ошибка эволюции?	310
Феномен палачества	315
Век насилия	326
Природа насилия	328
О социальной этологии	345
Насилие и власть	350
Одной фразой о тирании	355
Насилие и культура	359
Взрастет любовь из ненависти грозной?	367

ГЛАВА 7

О ВОЙНЕ

Полемология, или анатомия войны	372
Маленькая бухгалтерия войны	383
Война и мир	387
Человеческая боевая машина — солдат	392
Апокалипсис	397
Тщета победы	399

ГЛАВА 8

О ПРЕСТУПНОСТИ

Всегда за решеткой	400
L'homme criminel?	403
Преступность и болезнь	408
От Ломброзо до Сатерленда	411

ГЛАВА 9

О РЕВОЛЮЦИИ

Молох	421
Почти апология, или право на Вандею	430
Революция как религия	438
Нуждается ли мир в новой редакции?	441
Революция как образ жизни	445
Революция как утопия	447
Куда ведут поезда локомотивы истории?	448

Blasters или Weltverbesserer?	460
Красота революции? Музыка? — Нет, сила!	466
Фрейд или Мавр?	475
Праздник трудящихся?	479
Тарантулы?	482
Сентиментальный тигр	484
Разгул безудержной стихии	498
Прекрасный новый мир	516
Революция особого рода?	522
Tel quel	525
Сновидения порождают чудовищ	530

ГЛАВА 10 ОБ УТОПИИ

Благими намерениями	534
Лакедемон	538
Аристокл (<i>вариант 1</i>)	543
Аристокл (<i>вариант 2</i>)	548
Утопия нищеты	551
Век Кроноса, или назад к природе	555
Страна Кокейн	558
Человек для всех времен	561
Кладбище с дорогими покойниками	568
Из утопии — в жизнь	572
От Апостола равенства до равенства	574
Клод-Анри-де-Рувруа	577
Шарль из Лиона	582
Ленаркский мечтатель	596
Утопия, революция, анархия	603
Nomme teggur	610
Великая надежда XX века, или рай — немедленно!	615
Человеческие качества	618
Свойства утопии	621
Вниз по кроличьей норе	626
Высокое заблуждение человечества?	632
Три года труда и десять тысяч лет счастья	639
Наш вечный город Глупов	648
Зияющие высоты. Дайджест	651

Дуазьюлайки	658
Гротески	665
Старший брат охраняет тебя	682
Безумное чаепитие, или время остановилось	693
Расхищение времени	696

ГЛАВА 11

ПСИХОЛОГИЯ И СВОЙСТВА МАСС

Масса — чудовищна	698
Всемирство, все мы... ..	702
Душа массы, или Калибан говорит	717
Синдром омассовления, или организованное общество	734
Сталин с нами	740
Народ и партия едины, или «колымский трамвай» средней тяжести. Дайджест	743
Знакомые все лица в толпе. Дайджест (по Ю. Богомолову)	745
А масса ликовала... ..	748

ГЛАВА 12

О ГУМАНИЗМЕ

У истоков	751
От Возрождения до вырождения	759
Реальный гуманизм: плаха	769
Гуманизм и террор?	772
Раб рабов божиих — Сан-Франческо Д'Ассизи	777
Махатма	781
Доктор Оганга	790

ГЛАВА 13

ЧЕЛОВЕК В ПОСТФРЕЙДИЗМЕ

Юнг	794
Архетипы	822
Время, в котором все уже есть	839
Адлер	841
Райх	850

Карен Хорни	860
Фромм	871
Лакан	898
Психоанализ в России	906
<i>Наши</i>	917

